

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Панк и автономия

(в сокращении)

Кейр

Кейр
Панк и автономия
(в сокращении)
сентябрь 2001

Скопировано 2018-12-06 с
https://avtonom.org/old/lib/theory/punk_i_avtonom.htm
на английском на
<https://libcom.org/library/punk-autonomia>

ru.theanarchistlibrary.org

сентябрь 2001

Оглавление

1. Введение	5
2. Италия и автономный марксизм	6
3. Панк как повышение самооценности	16

„требуя невозможного“ память о видении невозможного оставалась ощутимой. Возможно, поэтому политика панка была возможной» (Garnett, 1999 p.24). В свою очередь пространство и субъективность, развитые панком, послужили основой для новой борьбы и повышения самооценности.

Самой заметной группой второй волны панка стали Crass. «Совершив первую и единственную осмысленную попытку выйти за нигилистические архетипы времени» (Savage, 1991 p.481), они создали субкультуру «анархопанка» и помогли сформировать линии протеста, ведущие напрямую к анти-капиталистической борьбе последних лет. Конечно, это лишь один из путей, выводящих из хаоса противоречий панка. Из нигилистического отрицания панками хиппи посредством правых панк-групп можно вывести существование сегодняшней расистской, неонацистской рок-сцены (Sabine, 1999). Для этой линии категория повышения самооценности не так уж важна.

«Сегодня множество людей в своём культурном анализе напоминает мне ФБР пятидесятых: Они всюду находят подрывную деятельность.» (Marcus, 1991 p.28). Автономистская теория, усматривая подрывную деятельность повсюду, всё же избегает некритической общей подрывной деятельности, о которой говорит Маркус. Одной из её сильных сторон является анализ связи между борьбой в культурной среде и вне её. Применение автономистской теории к панку указывает на связь между двумя различными движениями. Рассмотрение панка как момента повышения самооценности может оказаться полезным в отделении его более утопических импульсов от дисциплины, которой его подчиняет капитализм. Рассмотрение марксизма как критики присущей капитализму помогает остановить пределы его пользы для анализа.

пространство, так же как и другие бесприбыльные компании, последние десятилетия сурового опыта показали, что малые компании подчиняются той же дисциплине, что и большие. Этим мы не хотим сказать, что если бы панки были лучшими марксистами, они нашли бы разрешение этим противоречиям. Не бывает чистого повышения самооценности. Однако автономная точка зрения, что в корне этих противоречий лежит капитализм, до сих пор проводит ложную линию на песке между независимыми и официальными лейблами.

Положение Sex Pistols в опосредованном брюхе чудовища достигло кризисной точки после их появления на телевидении с Биллом Гранди. Многие сложности и противоречия панка выдохлись. Открывшееся пространство было сужено распространением идей панка через таблоиды. По словам Джона Сэвиджа: «Взятие СМИ является необходимым, если это поп-движение. В этой операции, простота неизбежно накладывается на сложные феномены, но высвобождается также свежая энергия с непредсказуемыми, освобождающими результатами.» (Savage, 1991 p.278). Sex Pistols боролись против процесса посредничества, избегая фотографироваться для постеров, скрывая свои вкусы и притворяясь, но всё же брешь, пробитая ими была закрыта к 1979 г. Тем не менее, и в опосредованной форме послание панка было достаточно сильным и спровоцировало новую волну творческой деятельности даже в самых маленьких городках Великобритании. После развала Sex Pistols и интеграции панк-групп в историю рока оставалось ещё достаточно места для новых волн повышения самооценности. Самого панка не существовало бы, если бы не повышение самооценности шестидесятников. Как на практическом, так и на теоретическом уровне, распространившийся в Лондоне сквоттинг стал материальной предпосылкой панка. «Не будучи более „реалистичным“,

1. Введение

В 1978 г. участники панк-группы Crass выпустили постер: «В Германии был Бадер-Майнхоф, в Англии — панк, но его нельзя убить». Но гораздо более в духе панка звучало бы: «В Италии была Автономия...».

1977 г. был годом взрывной творческой активности английской и итальянской молодёжи. В Германии это был год репрессий, закрытых пространств. Это совпадение во времени вызывает вопросы о потенциальных сходствах, но также маскирует огромную разницу между итальянским движением '77 и возникновением панк-рока в Британии. Возникновение панка в сердце англо-американской музыкальной индустрии гарантировало быстрое распространение его инноваций и длительное повсеместное влияние. Корни движения Автономии, однако, лежат в гораздо более сложной и утончённой политической обстановке. Коммунистическая Партия Италии (КПИ) 1970-х гг. была крупнейшей вне коммунистического блока и сфера её влияния в стране распространялась намного дальше её собственных рядов. Находясь под влиянием сочинений Антонио Грамши, она разработала довольно сложную политическую культуру. Развитие автономной мысли вне этой культуры и вопреки ей привело к «детальному переосмыслению марксистской теории и более систематическому созданию новых теоретических парадигм» (Де Анджелис, 1993). Это движение с высокой теоретической подготовкой разработало обширный анализ автономной борьбы, вышедшей на поверхность в цикле борьбы шестидесятых. Не менее важно отметить ту основополагающую роль, которую оказал ортодоксальный итальянский марксизм на развитие культурного анализа, как отдельной дисциплины. Особого упоминания заслуживает влияние идей Антонио Грамши о политической автономии на Бирмингемский

Центр Современного Культурного Анализа. Это наследие всё ещё различимо сегодня. Политика, разработанная в рамках этой влиятельной политической культуры и против неё, обладает потенциалом, заслуживающим большего, чем праздный интерес. Во втором разделе я описал основные идеи автономного марксизма в связи с социальной борьбой, из которой он вышел. В третьем разделе я рассматриваю, как эти идеи помогают нам понять панк.

2. Италия и автономный марксизм¹

...История политической и социальной борьбы в Италии в течение 1960-х и 1970-х плохо известна в англоязычном мире — несмотря на свой размах, интенсивность и продолжительность. «Некоторые говорят, что в то время как 1968 г. во Франции занял лишь несколько месяцев, в Италии он растянулся на десять лет». (Hardt, Vianno, 1996 p.2). В отличие от остальной Европы движение не схлынуло после взрыва 1968 г., а стало более интенсивным: с захватом университетов, фабрик, рабочих мест и «горячей осенью» 1969 г. В первой половине 1970-х вспыхнула автономная борьба, независимая от профсоюзов и авангардных групп, как на фабриках, с показательным захватом Фиата в марте 1973 г., так и вне рабочих мест с захватом домов и самостоятельным понижением цен на коммунальные услуги. Эта борьба, вместе с возникновением феминистского дви-

¹ Я использую термин марксизм, признавая, что определённые теоретические моменты в автономистской традиции делают это отождествление проблематичным. Например, точка зрения Негри на Спинозу как на домарксистского коммуниста усложняет использование термина марксизм. В то же время некоторые автономисты считают даже термин коммунизм как «тяжёлое наследие» которого нам следует избегать. (Viano, Binetti, (1996) P.252)

ный марксизм может идентифицировать шрамы, которые несут на себе проекты повышения самооценности, рождённые при капитализме. Гарри Кливер (1992 p.134) говорит по этому поводу следующее: «Мы создаём автономную обстановку и деятельность, но мы это делаем в местах изуродованных капиталистической эксплуатацией товарами и типом личности, хотя бы частично сформированного капиталистическими процессами». Когда мы говорим о панке, это помогает определить шрамы, которые он несёт на себе из-за своего рождения в музыкальной индустрии и прояснить некоторые направления его выхода за её пределы. Одним из этих шрамов была неспособность панка выйти за рамки формы рок-группы.

Частью мотивации панка послужил опыт рок-звёзд шестидесятых, исчезавших на стадионах и получавших статус полубогов. Панк преодолевал расстояние между группой и аудиторией. Это соответствует мечте Лотреамона о «поэзии, которую пишут все» (Marcus, 1990 p.240). На ранних концертах аудитория обладала таким же значением, как и группа в создании панковского стиля и отношения. Те, кто были слушателями на одной неделе, на следующей организовывали группы и выступали. Это показывает культурное самоусиление панка. Однако неспособность сбросить с себя форму группы, концертов и пластинок, спроса индустрии и капиталистических ценностей мало-помалу брали верх. Из единства групп с движением летом 1976 г. уже вылез элитаризм, а группы начали конкурировать за внимание фирм грамзаписи (Savage, 1991). Из-за своей неспособности избежать шрамов, полученных при рождении в рамках музыкальной индустрии, панк осуществлял лишь частичную критику капитализма. Не выходя за перспективу своего происхождения, панк участвовал в противостоянии между независимыми и официальными лейблами. Хотя независимые и могут предоставить ценное

вали свой стиль одежды, выпускали свои журналы или устраивали свои концерты. Это мощное наследие всё ещё с нами. По словам журналиста из Ричарда Буна: «Угроза раннего панка была в том, что молодые люди из рабочего класса решили сбросить с себя цепи угнетения! И шагнуть в историю!» (Savage, 1991 p.397)

В этом смысле панк можно рассматривать как момент повышения самооценности, аналогичный Индейцам Метрополии в Италии. Мощный самоутверждающийся эксперимент с новым образом жизни. Панк, через пластинки, журналы и концерты, можно рассматривать как внетерриториальное единство в момент возрастания атомизирующих эффектов молодёжной безработицы³. Дух 'Do It Yourself' повлёк за собой творческую активность вне рабочей сферы. Этот отказ от работы распространился на безработных: ведь работой безработных должен был быть поиск работы и сдерживающая роль давления на требования наёмных работников. Это единство, появившееся благодаря панку, наиболее драматичным образом было продемонстрировано, когда пластинка Sex Pistols «God Save the Queen» достигла первого места в неделю Юбилея Королевы. Тот факт, что название пластинки вычёркивалось из хит-парадов, указывал на важную роль, которую он играл в представительстве субъективности, исключенной из официального дискурса.

Одной из сильных сторон повышения самооценности, как идеи, было осознание ей своих собственных пределов. Если брать марксизм как постоянную критику капитализма, то его применение к борьбе, ведущей за пределы капитализма, ограничено. Проекты повышения самооценности следует понимать в их собственных терминах. Автоном-

³ «В июне, (1976) безработица достигла 1,507,976, 6.4 процентов рабочей силы, худшей цифры со времён 1940 г.» (Savage 1991 p.229)

жения, вызвала кризис марксистско-ленинистских групп «новых левых», которые доминировали в движении после 1968 г. Этот кризис спровоцировал то, что некоторые группы распустили свои организации. Самой известной среди них была группа Potere Operaia (Власть Рабочих), среди интеллектуальных лидеров которой был Тони Негри. За этим последовала Автономия или «область автономии», свободное объединение групп, как правило по местному признаку, с различными взглядами, но с общей преданностью автономной борьбе и идеям операизма (ориентация на рабочий класс и его борьбу, - ред.) (Berardi 1980).

Когда новое движение разрослось до массовых масштабов вокруг университетов в 1977 г., автономисты обладали в нём огромным влиянием. Вершиной движения 77-го был март, когда в течение нескольких дней боевое движение захватило большую часть Рима и Болоньи. (Red Notes, 1979). На какой-то момент автономные идеи и практика стали главенствующими во внепарламентской итальянской Левой. Долго это не продлилось. Репрессии во второй половине 70-х и в начале 80-х стали беспрецедентными в современной истории западной Европы. Произошли массовые аресты, самыми известными из которых стали аресты девяти интеллектуалов 7 апреля, включая Тони Негри. Согласно Негри (1988 p.252) к 1980 г. в тюрьмах с особым режимом содержалось 3000 активистов. Это дополнялось растущим списком людей, застреленных полицией, что было легализовано законом Legge Reale. Попавшее между насилием государства и насилием Красных Бригад, пространство, созданное движением, скрылось под наследием тюремного заключения, душевных болезней и героинизма.

Корни автономистской теории лежат в кризисе, развившемся в политике Итальянской Коммунистической Партии (ИКП) и Итальянской Социалистической Партии

(ИСП). Этот кризис происходил как на внутреннем так и на международном уровне. Сталинские танки, вошедшие в Венгрию в 1956 г., окончательно подорвали веру в сталинизм во всём мире. В Италии это усложнялось ультра-реформистским лидерством Пальмиро Тольятти в ИКП. Предпочтение, которое он оказывал electoralной политике, всё меньше соответствовало боевой активности рабочих 1950-х и 1960-х гг. (Lumley, 1990). Символом этого несоответствия стал захват в 1962 г. офиса социал-демократического профсоюза на Пьяцца Стауту бастующими рабочими Фиата (Red Notes, 1979).

По мере того, как борьба выходила из-под контроля и понимания сталинистского и реформистского руководства ИКП и ИСП, интеллектуалы из обеих партий начали изменять своё мышление в попытках найти теоретическую основу новой автономной борьбе. Это мышление приобрело свою форму в течении, известном по имени операизм (от слова операйо — рабочий, прим. пер.) базировавшегося вокруг журналов «Красные тетради» и позже «Рабочий Класс». Основными теоретиками были Раньеро Панцьерри, Марио Тронти, Романо Алкуати и Антонио Негри. Они были вдохновлены этой боевой деятельностью рабочих вопреки ИКП, а также переосмыслением марксизма, принятым движениями Джонсона Фореста в Америке² и группы «социализм и Вроварство» (ведущие теоретики Карнелиус Костарадиус и Клод Лефорт, — прим. ред.) во Фрнации (Wright, 2001).

Идеи операизма, позже развитые автономией, организованы вокруг центральной концепции «рабочей автономии», как потенциальной автономии труда от капитала и акценте на «dal punto di vista operaio» (точка зрения рабо-

² Дж. Р. Джонсон и Ф. Форест были псевдонимами С. Л. Р. Джеймса и Раи Дунаевской.

пи, в качестве недиалектической гиперреакции на хиппи» (Wise, D. Wise, S. 1996 p. 66). Этот нигилизм явно проявился в панке, как на это указывает его имя. В ранних семидесятых Крис Грей, член King Mob распространял идею о создании «абсолютно неприятной поп-группы» (Wise, D. Wise, S. 1996 p. 67). Он не зашёл дальше нескольких граффити, рекламирующих Chris Gray Band, но идея стало одной из нитей, ведущих к Sex Pistols. Их планировали как критику потребительства, обнажение мусора, отовариваемого капитализмом, разоблачение механизмов музыкальной индустрии и отказ от артистических притязаний. Влияние этой идеи заметно в ретроспективной интерпретации Маклареном панка, как обжуливания музыкальной индустрии. The Pistols в качестве антитезы Bay City Rollers, обыгрывание интерпретации правой прессой панка, создание СМИ своего собственного кошмара (Savage, 1990).

Конечно, панк был больше чем махинации нескольких манипуляторов. Группа пригородных и городских подростков уже использовала эти пробелы в поп-культуре, для создания собственного стиля и образа жизни. Простодушный гений личности Джонни Роттена никак нельзя было запланировать. Здесь заключена проблема с рассказом об 'афере панка', Sex Pistols были слишком хороши. Их критика была настолько сильной, что подорвала всю предшествующую поп-культуру, включая позиции политического рока (Garnett, 1999). Грейль Маркус утверждает, что «Sex Pistols пробили брешь в... поп-музыке» (Marcus, 1989 p.3). Подрывая условности поп и рок-музыки, Sex Pistols открыли огромное свободное пространство. Отказываясь как следует учиться играть на своих инструментах, панки уничтожили условности, державшие музыкантов в смиренной рубашке. Демистифицируя культуру, панк создал пространство для взрыва самодеятельности. Вдохновлённые им люди создавали собственные группы, придумы-

1968 г. Спорными методами она увязывала панк с его более радикальными предшественниками для того, чтобы вывести наружу революционный потенциал панка. Влияние ситуационистских идей обычно прослеживается через связь Малькольма Макларена и Джейми Рейд с группой King Mob в начале 1970-х гг. (Savage, 1990). В King Mob входили участники Ситуационистского Интернационала, исключённые из него за имидж «уличной банды с анализом» (Vague, 1997 p.130) Black Mask Group, которая позже была переименована в Up Against the Wall Motherfucker. Вокруг Sex Pistols собирались и другие люди, вдохновлявшиеся шестидесятыми: Софи Ричмонд участвовала в ситуационистском журнале и в издании Suburban press вместе с Джейми Рейд, но до этого она также входила в либертарную социалистическую группу Солидарность. В числе прочих был также Берни Родес, менеджер Clash, дорожный менеджер Sex Pistols Джон Тибери и Фред Верморель, друг Макларена и издатель про-ситуационистского журнала «Интернациональный Вандализм». Верморель позже сказал по поводу этой ситуации: «Вся эта заварушка с Pistols в общем-то была марксистской конспирацией, что может прозвучать смешно, но так оно и было. Там были Джейми Рейд, Софи Ричмонд и Малькольм, которые сидели и рассуждали о радикальной политике, о том, как радикализировать то или это, насколько далеко нам заходить здесь и там» (Vague, 1997 p.135).

Уровень их влияния на группу остаётся спорным, но именно они создали идейную среду панка и его песен. Связь между панком и идеями King Mob предыдущих лет прослеживается чётко. Практика активного нигилизма вызывала обсуждение отчаянных планов, включая взрыв водопровода в озёрном районе в качестве протеста против романтизма. Вот хорошее отражение этого отношения: «Лучше быть ужасным, чем приятным, альтруистичным хип-

чего класса). Ортодоксальный марксизм против которого теоретизировал операизм рассматривался как переоценка власти капитала и принятия неизбежности законов его функционирования. Операизм, в том, что Ив Мулье называет «коперниковской инверсией» (Dyer-Witherford, 1999 p.65), утверждает примат борьбы и оставляет капиталу лишь реакционную роль. По словам Марио Тронти: «Мы также работали с концепцией, ставящей на первый план капиталистическое развитие, а рабочих на второе, в чём заключалась её ошибка. Теперь мы должны поставить проблему с головы на ноги... и опять начать сначала: а началом является классовая борьба рабочего класса. На уровне социального развития капитала, капиталистическое развитие идёт позади борьбы». (Lumeley, 1990 p.37). Акценту на автономии труда присуща опасность рассматривать капитал как внешний фактор. Одним из фундаментальных прозрений Маркса в отношении капитала были его социальные отношения с заключающимся в нём трудом. Вот как характеризовал рабочих Маркс: «Их сотрудничество начинается только в трудовом процессе, но к этому времени они уже не принадлежат сами себе. Со вступлением в трудовой процесс они интегрируются капиталом. В качестве сотрудников, членов рабочего механизма, они формируют особый способ существования капитала. Отсюда производственная сила, вырабатываемая рабочим в социальном разрезе является производственной силой капитала». (Marx, 1976 p451).

По Марксу капитал зависит в повышении собственной ценности от затрат рабочей силы. Под капиталистическим развитием лежит социальное производство совместного труда. Однако для стимуляции совместного производства капитал должен концентрировать большие массы рабочих (Marx, 1976), что «неминуемо создаёт условия, при которых рабочие могут установить социальное единство, явля-

ющеся фундаментальной оппозицией капиталу» (Surin, 1996 p.197). Труд никогда не сможет стать автономным от капитала, если не будет стремиться утвердить свою независимость через постоянное неподчинение. В противоположность этому капитал постоянно стремится свести рабочий класс к обыкновенной рабочей силе (Negri, 1991). Для операизма это формирует фундаментальный цикл классового состава. Автономная борьба труда провоцирует капитал на реструктуризацию производственного процесса и разделение труда для того, чтобы восстановить свой контроль. Это в свою очередь ведёт к развитию новых антагонистических субъектов, к изменению состава рабочего класса, основанному на новых производственных отношениях. Единственным выходом из этого цикла является структурная асимметрия этих взаимоотношений: в то время как капитал нуждается в труде, труд не нуждается в капитале. Вместо привычного самоуверенного и монолитного капитализма, перед нами предстаёт картина шаткого капитализма, который должен постоянно видоизменяться для того, чтобы интегрировать, перенаправлять и возглавлять творческую неугомонность человеческой деятельности (Negri, 1991).

Для операизма непокорность рабочего класса является движущей силой капиталистического развития. Не только наивность и творческая сила общественного труда является источником капиталистического развития, но и реструктуризация капитала является ответом на постоянные попытки труда избежать капиталистической дисциплины. «История капиталистических форм всегда остаётся реакционной историей: капитал, оставленный со своими собственными средствами никогда не оставит режим прибыли. Иными словами, капитализм проходит системную трансформацию только когда вынужден и когда его те-

ют о «шоке и грязи» хиппи. Поэтому я сказала» Помойная пресса сделала с хиппи то же, что она делает с вами» (Savage, 1991 p.231).

Тем не менее панк стал продолжателем многих идей и тем хиппи только в анти-шестидесятнической форме. Панк реагировал против возобновления форм борьбы 60-х. Он стал продолжением контркультурных идей 60-х в форме нигилистического протеста детища СМИ — хиппи. Панки отвергали в хиппи того времени поддельность, фальшивость и тоталитарную пригожесть, к которой свели хиппи, символизируемых, пожалуй, логотипом улыбающейся жёлтой рожицы. На постере Джейми Рейд для сингла «California Uber Alles» американской панк-группы Dead Kennedys был изображён этот смайлик в качестве маскировки легковесного фашизма в калифорнийском стиле. Возможно, это центральная тема в панке — утверждение социального реализма против поверхностности смайлика. В то же время новый капитал получал самодовольное удовлетворение от этого отталкивающего образа хиппи.

Непримение хиппи присутствовало в самых ранних проявлениях панковской тусовки в нью-йоркском клубе CBGB. Стилистически оно было представлено короткими торчащими стрижками и узкими штанами, «что штаны, что мозги» как сказал Джо Страммер (Sabine, 1999 p.6), а также стилизованным урбанизмом, насилием и внешней непривлекательностью. Это непримение хиппи не было чуждым контркультуре шестидесятых. «Могильщики» из Сан-Франциско устроили шуточные похороны в 1967 г., провозгласив «смерть хиппи, излюбленных сынов СМИ» (Lee, Shlain, 1985 p.191). Однако на сцене CBGB непримение хиппи иногда принимало реакционные и расистские формы (Bangs, 1990).

В Лондоне вокруг Sex Pistols собралась группа людей, которые всё ещё вдохновлялись либертарным духом Мая

«временных» панков были настолько же аутентичными и ценными как и опыт Джона Лайдона. Конечно, существует множество «маршрутов ухода» из панка. Однако, если мы вернёмся к автономизму, как к прагматичной теории, основным фактором будет не аутентичность, а эффективность.

Когда рассматриваешь панк, как повышение самооценности стоит обратить внимание на его преемственность по отношению к другой борьбе, которая может быть не настолько явной. Один из вопросов, который всегда был спорным — является ли панк реакцией против цикла борьбы шестидесятых или его продолжением. Это, конечно, зависит от того, как вы интерпретируете шестидесятые. Автономисты интерпретируют их как развитие потребностей и желаний, вышедших за пределы послевоенного положения вещей. Как пишут Негри и Хардт в одной из недавних книг: «„Выпадение из системы“ — лишь бедная идея о том, что происходило в Хэйт-Эшбери и на всей территории США в 1960-х. Двумя основными операциями стали отказ от дисциплинарного режима и эксперименты с новыми формами производства» (Hardt, Negri, 2000 P274). Эта борьба подорвала послевоенные режимы дисциплины, через отказ от массовой фабрики и нуклеарной семьи в пользу нематериального и мобильного производства, которое было принято в искажённой форме новой производственной парадигмы для капитализма.

Знаменитый лозунг Джейми Рейд «Никогда не верьте хиппи» был нацелен в первую очередь на Ричарда Брэнсона, (Reid, Savage, 1987), а не на поколение или движение хиппи. Как говорит ветеран шестидесятых Кэролайн Кун: «Я не ожидала, что идеализм моего поколения будет оклеветан с такой агрессивной негативностью. Когда эти ребята превращают хиппи в шлак, я понимаю, что они выросли, читая о хиппи в жёлтой прессе поэтому они раглагольству-

ющий режим перестаёт быть устойчивым» (Hardt, Negri, 2000 p.268).

Автономисты вроде Негри рассматривают борьбу рабочего класса и развитие новой антагонистической субъективности как прототип будущего развития капитала. «На деле пролетариат изобретает общественные и производственные формы, которые капиталу придётся принять в будущем» (Hardt, Negri, 2000 p. 268). Реструктуризация конечно же связана с технологическими изменениями. «Как говорит наш друг Маркс, машины устремлены к забастовкам» (Negri 1988 p. 206). Именно яростное противостояние технологической реструктуризации в послевоенный период со стороны итальянского промышленного рабочего класса привело зачинателей операизма к анализу использования капиталом технологий как средств контроля и господства над обществом. Поддержка этой реструктуризации ИКП, вместе с их неспособностью увидеть повышение рабочим классом ценности своих собственных потребностей вне логики капитала, привело к тому, что борьба рабочих развилась автономно от партии и вывела из неё многих теоретиков операизма (Wright, 2001).

Одновременно с сопротивлением реструктуризации была развита серия теоретических разработок отказа от работы. Это была теория автономной борьбы, зародившаяся на больших северных фабриках в форме забастовок, саботажа и замедления работы, а также повседневной борьбы против превращения жизни в работу. Её выражением стал известный лозунг того времени: «Меньше работы, больше оплаты!». К началу 1970-х этот термин начал обозначать также более общий отказ молодёжи принимать фабричную дисциплину. В результате целое поколение имело лишь эпизодическое отношение к работе (Negri, 1979).

Новый «социальный субъект» был частично сформирован новой композицией капитала, включавшей рост без-

работицы и уход со сцены массового фордистского работника. Бастионы старых сил рабочего класса начали разлагаться. Массовые рабочие места закрывались, работа становилась субподрядной или перемещалась в новые индустриализированные страны. Теоретическая многоступенчатая фабрика только зарождалась в Италии 1970-х, но с тех пор она широко распространилась повсеместно. Эту тенденцию предвидел Тронти (1980) в 1960-х в своём анализе социальной фабрики. Выходя за пределы марксистской точки зрения о производстве, Тронти показал, как всё общество начинает действовать как одна большая фабрика. Его анализ о том, как сферы жизни вне рабочих мест подчинены дисциплинам, чье происхождение прослеживается в потребностях капитала, только подтвердился после того, как жизнь начала всё больше и больше подчиняться открыто капиталистическим отношениям. Об этом феномене писали Хардт и Негри (2000) как о движении от формальной категоризации труда к реальной при капитале; как об идее о том, что нет ничего, что находилось бы вне капитала. Однако, вместо пессимистических выводов последователей Критической Теории эту тенденцию можно рассматривать как предмет для дискуссии во всём обществе. Культура становится необъятной сферой борьбы и её место в производстве становится ключевым. Быстро растущее женское движение в Италии разработало эту концепцию через анализ неоплачиваемого труда женщин в воспроизводстве. Это привело к требованиям «зарплаты для домохозяйек», но также к расширению определения рабочего класса со включением не только промышленной рабочей силы, но и всех участников движения против капитала. Это отражает уход автономистской теории от раннего привилегирования борьбы фабричного рабочего класса к признанию автономии различных секторов.

сильных поверхностных сходств с развитием панк-рока в Великобритании. Есть какое-то сходство между панками и Индейцами Метрополии, но история обеих стран была довольно различной. В то время Италия считалась исключением, особенно из-за длительности движения (Hardt, Vianno, 1996). Между обоими движениями вроде не было никакого прямого обмена, по крайней мере, до 80-х, когда панк и автономистские влияния смешались во многих странах, самым наглядным образом в движениях голландских сквотеров и немецких автономов. В Италии панк обладал влиянием только когда его популярность и обеспечиваемое им единство помогли возродить движение, основанное на автономистских идеях, базировавшееся вокруг Социальных Центров — «самоуправляемых, захваченных социальных территорий» в начале 80-х (Wright, 2000). Однако, для обеих стран и для международного капитализма в целом, середина 70-х стала временем перемен. Нефтяной кризис в 1973 г. стал сигналом начала конца послевоенного расклада. Капитал начал проект реструктуризации, подорвавший кейнсианскую политику, приспособленную к старым силам рабочего класса.

Панк осознавал роль СМИ, был самосознательным движением, творившим собственные мифы с самого зарождения. Пытаться распутать историю и значение такого сложного и разнообразного явления так сложно сейчас только потому что наше восприятие опосредовано таким образом. Движение Автономии было настолько же сложным и из-за отсутствия англоязычной истории можно очертить лишь голый скелет истории только в самых общих и условных чертах. Статус панка, подвергшийся чрезмерному анализу, ещё более усложняет его чёткое отображение. Недавние работы о панке (Sabine, 1999) сделали эту ситуацию ещё более проблематичной утверждая, что большинство

нием капиталистического управления: «если капитализм добивается успеха в превращении жизни в работу, для повышения самооценности не остаётся ни времени, ни пространства, ни энергии» (Cleaver, 1992a P.130). Проекты повышения самооценности следует рассматривать как эксперименты с повышением самооценности нового образа жизни, так, что, хотя они ни в коем случае не являются чистыми и капитал часто меняет их составные части путём стратегии отоваривания, интеграции или открытых репрессий, они раздвигают границы и обеспечивают основу для будущих экспериментов с повышением самооценности (Cleaver, 1992a).

Для Негри эти эксперименты являются основой для коммунизма, того коммунизма, о котором говорил Маркс в Немецкой идеологии: «Коммунизм для нас не состояние дел, которое следует установить, не идеал, к которому должна приспособиться реальность. Мы называем коммунизмом реальное движение, упраздняющее нынешнее состояние вещей» (Cleaver, 1992b n.15). Это видение коммунизма не является построением единого социального проекта, традиционного для социалистического воображения. Вместо этого коммунизм есть нечто, связанное с новыми формами повышения самооценности, новыми «маршрутами ухода» от капитализма. Коммунизм, по словам Кливера, является «'многосторонней' реализацией пролетарского субъекта, или, вернее, субъектом, который в своей самореализации взрывается множеством автономных субъектов» (Cleaver, 1992a P.130).

3. Панк как повышение самооценности

Итальянское движение вне исторического контекста массовых захватов, демонстраций и бунтов не имеет

Новый радикальный социальный субъект, вышедший на поверхность в движении 1977 г., прекаризованные работники, студенты, маргиналы, люди вне традиционной коллективности массовых фабрик, должен был найти новое выражение для своей коллективности. Им пришлось изменить состав в своём отрицании материальных условий (Negri, 1979). Университеты были захвачены не только студентами, но всеми теми, кто не мог больше нигде собраться физически. Очень важным стало также распространение бесплатных радиостанций в качестве не-территориальной коллективности. Радио «Алиса» использовалось в качестве открытого микрофона для извещения демонстрантов о движениях полиции во время интенсивных боёв в Болонье в феврале и марте. Однако, это было просто кульминацией коллективности вокруг «маоистско-дадаистских» значений, приданных радио «Алиса» новому субъекту. «В этом новом виде ключевым стало утверждение этого движения в качестве „альтернативного общества“, со своим собственным богатством общения, свободным производственным творчеством, своей собственной жизненной силой. Захват и контроль над своим собственным „социальным пространством“ — это становится доминирующей формой борьбы нового „социального субъекта“». (Negri, 1988 p.236)

Вместе с отказом от фабричной дисциплины и деспотизма пришло желание прямого удовлетворения потребностей и развития новых коллективных желаний. Происходил широкий захват пустующих домов сквотерами и обобщение тактики самовольного снижения цен. Это началось с профсоюзной тактики в начале 70-х и стало образом жизни групп, которых пресса окрестила Индейцами Метрополии (Berardi, 1980). Их так называли из-за подражания облику американских индейцев: раскрашенные лица, перья в волосах и самоназвания вроде Томагавк или Апачи.

Это было самое заметное ответвление сферы, коллективно названной «творческой автономией»: взрыв творческой деятельности и экспериментов с новым образом жизни. Индейцы Метрополии «привычно врывались в магазины и экспроприировали бесполезные товары... они также часто появлялись в самых фешенебельных кинотеатрах группами около тридцати человек, естественно после посещения самых дорогих ресторанов, в которых они, понятное дело, ничего не платили» (Torealta, 1980 p.102). Этот образ жизни был частью более общего нарушения капиталистической дисциплины, при которой широко распространились уплата «политических цен» за основные услуги и товары и даже «пролетарский шоппинг» в виде массового грабежа.

Вместе с тем получила развитие контркультура явно походившая на ту, что была развита в США и Британии в предыдущее десятилетие. Её развитие в Италии было заторможено интенсивной политической борьбой 1968—9 гг. Однако, к середине 1970-х начали происходить огромные битвы против отоваривания этой культуры. Автономисты организовано рушили заграждения на поп-фестивалях (Berardi, 1980). Партийная дисциплина, аскетизм и дух революционного самопожертвования широко отвергались. Этот «поворот к личному» был вдохновлён женским движением и привёл к созданию «Лотта Континуа» (Борьба продолжается), крупнейшей организации слева от коммунистической партии, самораспустившейся на драматичной конференции в 1976 г. (Berardi 1980). Наиболее характерным моментом этого «нового левого нигилизма» стало изгнание Лучиано Ламы, коммунистического профсоюзного лидера из захваченного Римского университета 17 февраля 1977 г. Направленный ИКП с поручением прекратить захват, он был встречен с такой иронией, которая подчеркнула пропасть между обеими политическими культурами. «В большой открытой зоне кампуса, где он должен был

выступать, Лама обнаружил другую платформу со своим манекеном (дополненным его знаменитой трубкой). На нём было вырезано большое красное сердечко с надписью обыгрывающей его имя — „Nessuno L'ama“ (никто его не любит). Вокруг этой платформы собралась толпа Индейцев Метрополии. Когда Лама начал выступление, они начали скандировать: „Жертвы, жертвы, мы хотим жертв!...“ Мы требуем больше работы и меньше зарплаты!» (Lotringer, Marazzi, (eds) 1980 p.101)

Эти проявления творческой энергии и развития нового субъекта в теории движения стали позитивной созидательной борьбой. Обратной стороной более разрушительной и хаотической стратегии стал отказ от работы. Во времени и пространстве, завоёванных отказом от работы, были и более творческие попытки новых способов существования. Эта взаимосвязь между повышением самооценности потребностей рабочего класса с деструктуризацией капиталистического управления содержалась в теоретическом разрыве с ИКП и реформистским мышлением. Как написал Негри: «Ценность реформизма однозначна: он обладает только капиталистической ценностью» (Negri, 1979 p.112). Удовлетворение потребностей рабочего класса в пределах капиталистической ценности уже отвергалось автономной борьбой против капиталистической реструктуризации.

Термин «повышение самооценности» (selbstverwertung) использовался Марксом для того, чтобы описать как стоимость прибавляет стоимость к себе самой (Marx, 1972 p.255). Негри же (1991) использует этот термин с точки зрения рабочего класса, чтобы обозначить им борьбу, автономную от капиталистического повышения ценности. «Повышение самооценности пролетарского субъекта противоположно капиталистическому повышению ценности, принимает форму самоопределения в своём развитии». (Negri, 1991 p.162). Это плотно взаимосвязано с отрица-